

которой звучит якобы метафизический голос совести — *рыцаря-страха-и-упрека*.

И все же Достоевский неустанно заглядывал в великую бездну «вакуума», стоя у самого ее края, столь же жадно и упорно выпытывая у нее тайны страдающей мысли, как наука выпытывает у нее тайны материи, порой подразумевая под этим и тайны духа.

Пусть вдумчивый читатель в этом усмотрит дело мыслителя-писателя Достоевского и его значение.

И хотя сам Достоевский не мог вырваться из «ада ума», он в уста Алеши все же пытался вложить всечеловеческую надежду на грядущее — вернее, свою нежность к этой надежде.

«А дорога... дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная, и солнце в конце ее...»⁵

Пусть хотя бы этим утешится читатель.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1

Автор «Размышления читателя» не собирался рассекать Достоевского на двух Достоевских: на Достоевского с плюсом и на Достоевского с минусом. Он только хотел понять его, насколько ему это дано, и проникнуть в тайны его замыслов и в «засекреченные секреты» его творческой мысли.

В данном случае он только использовал право ученого на раскрытие тайн живого мира. К этим тайнам относится и творческий мир писателя.

Автор «Размышления» не сказал бы ничего нового о Достоевском, если бы стал указывать на то, как страдал Достоевский за человека, за этого гордого че-

⁵ 9. 73.

ловека, провозгласившего себя «шефом земли» и оказавшегося, несмотря на весь свой героизм, для сердца и ума Достоевского, только «пробным существом».

Автор не сказал бы ничего нового о Достоевском, если бы настойчиво указывал на то, как, нестерпимо мучаясь за человека, мучил он самого себя и героев своих романов и с какой нестерпимой для сердца жалостью и в то же самое время с какой безжалостностью ума жалел Достоевский этого бедного, бесконечно униженного, несчастного, преступного и при всем том прегордого и благородного человека, благородного подчас даже в своей подлости и подлого даже в своем мятежном благородстве. Это все и без того известно читателю.

Автор не сказал бы ничего нового о Достоевском, если бы настойчиво указывал на то, какая глубокая социальная трагедия порождает потрясающие душу страдания героев, действующих в драмах-романах Достоевского, и где искать причины, вызывающие исторически эту социальную трагедию нищеты и унижения. Но он впал бы в глубокое заблуждение и совершил бы непростительную ошибку в отношении Достоевского, если бы прошел мимо той «трагедии ума» человека, которая раскрывается в этих драмах-романах Достоевского и порождает не менее, если не более потрясающие нравственные и интеллектуальные страдания героев его романов.

«Размышление читателя» посвящено именно этой трагедии человеческого ума, тщетно жаждущего познания всей истины бытия и жизни, абсолютного познания до самого конца (и непременно сейчас же, в этот момент) и бессильного этот конец ухватить, невзирая на все успехи своей познавательной деятельности. Перед невиданным зрелищем этой трагедии ума в романе «Братья Карамазовы» — зрелища, подобного которому до Достоевского еще никто из мировых художников слова с такой проникновенной силой не создавал, — читатель не может стоять только со склоненной головой. Он непременно хочет раскрыть «засекреченный секрет» этого зрелища, этой трагедии ума, столь близкой каждому думающему человеку. Вот что побудило меня, читателя романа «Братья Карамазовы», написать это «Размышление».

Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» раскрывают картину великого поединка автора романа Достоевского с философом Кантом. Имя Канта нигде в романе не упомянуто, хотя главный герой романа Иван Карамазов предстает перед читателем как «диалектический герой Кантовых антиномий». Засекретить явного противника, дать ему личину — в обычае Достоевского. Но в данном случае Кант — не только немецкий философ Кант. Кант репрезентирует в романе европейскую теоретическую философию вообще, особенно критическую философию, и с ней вступает Достоевский на страницах романа в сознательную борьбу, ведя одновременно бессознательную борьбу с самим собой.

Близоруко было бы предполагать, что Кант своей постановкой гносеологических проблем стимулировал Достоевского или что Достоевский заимствовал от Канта его философские идеи и аргументы. Кант только искуснейшим образом сумел сформулировать и ограничить тот мир высших идей разума, именуемых им трансцендентальным, который для мыслителя-Достоевского, независимо от какого бы то ни было Канта, оказался его основоположной проблемой и его интеллектуальной трагедией. Кант-теоретик — тончайший софист, владеющий искусством в любой момент разоблачить в софисте софиста, самому же методологически выйти из игры в роли антисофиста. Но одновременно с этим Кант нанес миру излюбленных идей Достоевского, миру, в который Достоевский яростно хотел верить и почти веровал, тот сокрушительный удар, который predetermined надолго судьбу метафизики и философского спиритуализма. Поэтому Кант и предстал перед Достоевским как некий главный противник, чьими аргументами он мог вооружить врагов своего духа и в своем собственном духе, вовсе о нем, как о Канте, не упоминая.

Этим нисколько не колеблется ни беспримерная оригинальность, ни невероятная пронизательность Достоевского, подобно тому, как нисколько не умаляется художественная сила и жизненная объемность героев его романа, если мы будем рассматривать их только в логическом разрезе их смысла.

Если Достоевский в пылу поединка устами Дмитрия Карамазова называет философию саркастически «разные философии» или замещает ее словом «наука» или «бернары», избирая в качестве носителей этой «науки» образы окарикатуренные или морально дискредитированные, то было бы не меньшей близорукостью видеть в Достоевском мракобеса и гонителя знания или же находить для Достоевского историческое оправдание, чтобы смягчить таким образом вердикт «виновен» добавкой «но заслуживает снисхождения». Гений Достоевского не нуждается ни в оправдании, ни в снисхождении. Можно скорее признать право за ненавидящими, проклинаящими его или за отрекающимися от него, нежели за прощающими его или за снисходящими к нему.

Сравнение текста и основоположных мыслей «Критики чистого разума» и романа «Братья Карамазовы» не оставляет сомнения в том, кто скрытый противник мыслителя Достоевского и как глубоко вчитался Достоевский в «Антитетику» Канта.

В письме Ф. М. Достоевского к его брату М. М. Достоевскому, датированном 22 февраля 1854 года, говорится о том, что Федору Михайловичу еще в те годы понадобилась «Критика чистого разума».

«...Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно)», — писал он, — «историков древних (во французском переводе) и новых (Vico, Гизо, Тьерри, Тьера, Ранке и т. д.), экономистов и отцов церкви... Пришли мне коран, Critique de la raison pure Канта., непременно Гегеля, в особенности Гегелеву историю философии. С этим моя будущность соединена».

Намек на «Критику чистого разума» в романе дан: самое враждебное и едкое слово, испещряющее роман, — это слово критика. Обычный для Достоевского негативный смысл слова критика не лишен и дальнего прицела — в сторону «Критики чистого разума» Канта.

В поединке с Кантом Достоевский выступает перед нами как символ ума, исходящего из душевной глубины, из этики горячего сердца. Кант же, наперекор самому себе, выступает как символ морали,

исходящей из теоретического ума, из интеллекта, с ног до головы вооруженного формально-логической аргументацией. Кант из теоретической безысходности пытался выйти двумя путями:

1) гносеологическим путем, прибегнув к лукавой естественной «необходимой Иллюзии разума», ему прирожденной, и

2) моральным путем, выставив леденящий живую душу категорический императив — какую-то совесть пустыни под недостигаемо-космологическим блеском звезд. Это — совесть устава, субординации и порядка, но не живого чувства. Достоевский же из всех безысходностей разума видит для человека выход в страстной деятельности любви, в практике, где знание сердца перескакивает через все теоретические постулаты и выводы и где ум-теоретик срывается в трагедию.

Близорукостью было бы усматривать в применяемом здесь последовательном методе размышляющего читателя лишение Достоевского как писателя его художественной мощи, или усматривать в это усекновение общественного значения его романа. Необходимо было давать объемный, бешеной страстью пульсирующий мир героев романа как категорию смысла, а не только как живое лицо: иначе за секрет романа было бы раскрыть невозможно.

3

«Размышление читателя» показывает, как можно читать произведение художника-мыслителя — роман, в котором мысль философа, образы художника и судьба героев дают единство смысла, объединяя читательский (фабульный) план романа с его вторым планом — авторским. Так «Размышление» невольно превратилось в исследование.

Читатель (он же автор исследования) выступает здесь в роли анатома, вскрывающего сложнейший организм романа, его внутреннюю структуру с целью раскрыть его смысл и явный, и затаенный. Раскрывая секрет романа, читатель-исследователь ни на мгновение не должен выпускать из рук логическую нить и не отступать от взятого им курса, от своего метода,

строго, точно, шаг за шагом анализируя, как это делает при раскопках археолог.

Читатель-исследователь анализирует ткань романа, особенно — затаенную логику этой ткани, что потребовало весьма скрупулезной работы. В итоге перед глазами читателей предстал поединок Достоевского с создателем критической философии.

Отметим вдобавок, что «Размышление» выясняет одну, весьма характерную для творчества Достоевского, в том числе и для романа «Братья Карамазовы», черту, а именно то, что Достоевский крайне усложнял смысл своих художественных образов, создавая одновременно двойную ситуацию — трагедию и водевиль — во всех аспектах своего романа, особенно его интеллектуальных тайн, когда ум свое, подчас мнимое, знание принимает за полное знание и обманывает самого себя и тем самым других. При этом Достоевский, пользуясь таким приемом, устраивает в самой трагедии или в самом трагизме, как таковом, водевиль, потешаясь над притязаниями интеллекта на знание там, где вопросы решает только сердце.

Такова хотя бы речь Смердякова в сцене «За коньячком», в сцене, где устами Ивана и Алеши Карамазовых так обнаженно поставлена четвертая антиномия чистого разума: тезис и антитезис Канта о высшем существе.

Читателям «Размышления» следует помнить, что эта работа носит заголовок «Достоевский и Кант», а не «Кант и Достоевский», что речь в ней идет не о воздействии на Достоевского целокупного учения Канта, а только о «Критике чистого разума» и о писателе-мыслителе Достоевском, как о читателе этого труда Канта, — именно о том, как читал Канта Достоевский.

Последнее обстоятельство здесь особенно важно, ибо так психологически пронизательно, как читал Достоевский «Критику чистого разума» Канта, особенно его «Антитетику», написанную в формально-логическом плане, мог читать только такой ум, как Достоевский, снимающий этот формально-логический план, как пустую игру интеллекта-диалектика, на что указывал и сам Кант. Этот план ничего не говорил ни

сердцу, ни совести Достоевского. Его ум никак не мог оставаться только в плане космологического характера антиномий, имеющих чисто научное значение. Он немедленно переводил их, эти антиномии, в план морально-религиозный, и весь теоретический спор, со всей его тончайшей диалектической и даже софистической игрой он тут же переводил в драматическую коллизию, в уже указанные нами трагедию и водевиль интеллекта. Достоевский не выключал теоретичности антиномий, как таковой. Эта теоретичность была ему нужна, но только для того, чтобы раскрыть, как страдает самый ум человека при этом споре, неразрешимом, по его мнению, средствами одного только теоретического ума, и как смехотворен одновременно этот теоретический спор, если он ведется только в теоретическом плане: вот суть кошмара Ивана Карамазова, вот она, суть беседы Ивана и черта и его «засекреченный секрет», который надо было «рассекретить».

И тут же Достоевский усматривает своим психологическим глазом подноготную всей этой Кантовой антиномической концепции, глубоко понимая роковое для Канта умолчание о совести интеллекта, столь хорошо знакомой каждому подлинному ученому, особенно там, где речь идет о высших идеях разума. Для Достоевского «научность» как одна только формально-логическая постановка вопроса, без участия нравственного переживания, была пустым делом, прикрытием непостижения сути подлинной истины. Математическая истина — не для него. Даже Митя высмеивал такую «научность». Ее даже Смердяков разоблачил... без участия Ивана Федоровича.

При своей тончайшей, не лишенной контроверз (при всех попытках их сгладить), интерпретации антиномического спора pro и contra, Кант давал психологу Достоевскому немало поводов для психологического «подгляда» под его, Кантову, эристику, обнаруживая себя даже отдельными словечками, за которые Достоевский тотчас ухватился. Достоевский тонко понимал значение тайнописи словаря писателя, в данном случае Канта-сочинителя. Он понимал, как надо эту тайнопись расшифровывать и что она под собой скрывает в области «познания». А ведь у Канта

вся суть — именно в области познания. В познании также вся суть героя романа, мыслителя Ивана Карамазова, которому не миллион нужен, «а надобно мысль разрешить», по слову автора романа. Поэтому Достоевский и сделал Ивана «диалектическим героем» Кантовых антиномий. Не случайно в романе имеются разделы и главы под заголовками «Pro и contra», «Контроверза», а также выражения, взятые из «Критики чистого разума», и иные Кантовы словечки, которые Достоевский обыгрывает, подобно тому, как сатирическая драма обыгрывала у древних греков трагедию. Вот отчасти почему первоначально «Размышления читателя» имели подзаголовок — «Засекреченный секрет». Достоевский рассекречивает Канта. Автору «Размышления» пришлось рассекречивать Достоевского. Перед нами любопытный случай: что можно увидеть в книге, во многом определившей на столетие пути мировой философии, если читать ее глазом такого писателя, как Достоевский. Об этой особенности читательского глаза Достоевского следует помнить и читателю книги «Достоевский и Кант».

21844;